

1

Полагаю, многие испугались бы, поведи их грозовой ночью в подземный бункер. Но только не я.

То, что я могу объяснить и охарактеризовать, никогда не вызовет у меня испуг. Именно поэтому, спускаясь все глубже, я мысленно перечисляла известные факты. Бункер является реликтом холодной войны; его построили для защиты в те времена, когда за каждым углом мерещились ядерные ракеты. На поверхности здание замаскировали под магазин оптики. Таково было его прикрытие. И что тут еще страшного? А гроза? Заурядное природное явление, происходящее при столкновении атмосферных фронтов. И вообще, если вы боитесь пострадать от молнии, оказаться в такой момент под землей — разумное решение.

Так что — нет страхам. Якобы «зловещее» путешествие меня ни капли не тревожило. Все основано на достоверных данных и логике. С ними управиться можно. А прочая часть моей работы действительно чревата неприятностями. И возможно, именно

по этой причине подземный ночной поход меня не волновал. Если вы большую часть времени проводите среди вампиров и полукровок, отвозите их попить крови и помогаете им существовать втайне от остального мира... это, вероятно, вырабатывает у вас крайне своеобразный взгляд на жизнь. Я присутствовала при самых кошмарных схватках вампиров и видела магические трюки, отрицающие законы физики. Моя жизнь протекала в беспрестанных усилиях обуздать свой ужас перед непостижимым и непонятным и отчаянных попытках отыскать хоть какое-то объяснение.

— Осторожно, не споткнись! — предупредил меня провожатый, когда мы принялись спускаться по очередному пролету лестницы. Здесь все сделали из бетона: стены, пол и потолок. Серая шершавая поверхность словно поглощала флуоресцентный свет, который еле-еле освещал наш путь. Бункер был монотонным, холодным и жутковатым в своей неподвижности. Проводник словно угадал мои мысли:

— Мы отчасти расширили и переделали и «начальную» постройку. Увидишь, когда доберемся до главной секции.

Ступени в конце концов привели нас в бетонный коридор, вдоль которого протянулось несколько запертых дверей. Они оказались современными, с электронными замками, помигивающими зелеными и красными огоньками. Мой спутник подвел меня ко второй двери справа, с зеленым огоньком, и, переступив порог, я обнаружила, что нахожусь в обычном помещении, смахивающем на комнату отдыха. Такие можно увидеть в любом современном офисе. Пол покрывал болотного цвета ковер — жалкое подражание траве. Желтовато-коричневые

стены порождали иллюзию тепла. У дальней стены стояли мягкий диван и два кресла, а перед ними — столик, заваленный журналами. Но самое главное — здесь имелись раковина и кофеварка!

— Чувствуй себя как дома, — сказал провожатый. По моим прикидкам, ему исполнилось лет восемнадцать, как и мне самой, но из-за попыток отрастить клочковатую бородку парень выглядел младше. — За тобой скоро придут.

Я не могла оторвать взгляда от кофеварки.

— Можно сделать себе кофе?

— Да, конечно, — отозвался он. — Сколько хочешь.

Провожатый ушел, и я взялась за дело. Молотый кофе тоже вполне мог оказаться реликтом времен холодной войны. Но мне на это было наплевать, главное — наличие кофеина. Я прилетела из Калифорнии ночным рейсом и, невзирая на наличие свободного времени, чтобы прийти в себя, очень хотела спать. Глаза слипались. Я включила кофеварку и принялась расхаживать по комнате. Журналы валялись кучами, и я сложила их аккуратными стопками. Терпеть не могу беспорядка. Затем я присела на диван и стала размышлять, чему будет посвящена эта встреча. Здесь, в Вирджинии, я провела изрядную часть дня, докладывая паре алхимиков о состоянии моего нынешнего задания. Я жила в городе Палм-Спрингс и, по легенде, изображала ученицу частной школы. В действительности же я присматривала за вынужденной скрываться Джилл Мастрано Драгомир. Принцессой вампиров. Сохранить ее в целости и безопасности означало удержать ее народ от гражданской войны. Любой конфликт однозначно мог втянуть людей в мир сверхъестественного, тая-

щийся под поверхностью современной реальности. То был вопрос жизненной важности для алхимиков, и меня не особо удивило, что им потребовались самые свежие новости. Но меня изумило другое: они не запросили сведения просто по телефону. Я никак не могла понять, зачем понадобилось тащить меня в бункер.

Таймер наконец пискнул. Я зарядила кофеварку на три чашки — должно хватить на целый вечер. Когда я наливала напиток в стаканчик, дверь открылась. Вошел мужчина, при виде которого я чуть все не разлила.

— Мистер Дарнелл, — произнесла я, возвращая емкость с кофе на место. У меня дрожали руки. — Очень приятно встретиться с вами снова, сэр.

— И мне тоже, Сидни, — отозвался он, вымученно улыбнувшись. — А ты выросла!

— Спасибо, сэр, — поблагодарила я, хотя и не была уверена в том, что услышала комплимент.

Том Дарнелл — ровесник моего отца. Его темные волосы уже подернуло сединой. Со времени нашей последней встречи у Тома прибавилось морщин, а взгляд голубых глаз сделался тревожным, что прежде было ему не свойственно. Дарнелл занимал значительное положение среди алхимиков и заслужил свою высокую позицию благодаря решительности в поступках и безупречной рабочей этике. Когда я была помладше, Том казался мне энергичным, уверенным и вообще внушал благоговение. Теперь он словно боялся меня, что было совершенно бессмысленно с его стороны. Но в конце концов, именно из-за моих стараний алхимики арестовали его сына.

— Я очень признателен тебе за то, что ты согласилась прибыть сюда, — добавил Том после затянувшегося неловкого молчания. — Ты проделала долгий путь, да еще в выходные.

— Ничего страшного, сэр, — отозвалась я, стараясь говорить уверенно. — В любом случае... рада помочь вам. — Но я до сих пор не очень понимала, в чем же цель моего прибытия в бункер.

Том несколько мгновений изучающе глядел на меня, потом кивнул.

— Ты очень преданна делу, — сказал он. — Со всем как твой отец.

Теперь мне ответить было нечего. Я знала, он хотел сделать мне приятное, но не могла воспринимать его слова как похвалу.

Том кашлянул:

— Ладно. Покончим с этим. Я вовсе не хочу причинять тебе дополнительные неудобства.

И снова я уловила нервные, но почтительные флюиды. С чего он вдруг стал настолько щепетильно относиться к моим чувствам? После того, что я сделала с его сыном, Китом, я ожидала гнева или обвинений. Дарнелл открыл передо мной дверь и жестом пригласил пройти первой.

— Можно мне взять с собой кофе, сэр?

— Разумеется.

Том вывел меня обратно в бетонный коридор. Я вцепилась в стаканчик обеими руками — так испуганный ребенок хватается за свое одеяло. Мне было гораздо страшнее, чем в тот момент, когда я только вошла в бункер. Дарнелл миновал несколько дверей и остановился у той, на которой горел красный огонек, но, прежде чем открыть ее, помедлил.

— Я хочу, чтобы ты знала... ты поступила очень храбро, — произнес он, стараясь не смотреть мне в глаза. — Вы с Китом... были друзьями... и тебе оказалось нелегко доложить о нем. Это доказывает, насколько ты преданна нашей работе, а все не просто, когда в дело замешаны личные чувства.

Кстати, мы с Китом никогда не были друзьями, но, пожалуй, я могла понять ошибку Тома. Его сын провел лето у нас дома, а позднее мы вместе сотрудничали в Палм-Спрингсе. И мне совершенно не представляло труда доложить начальству о преступлениях Кита. Я даже получила удовольствие. Но Том был убит горем, и сейчас я просто не могла говорить с ним откровенно. Я сглотнула:

— Ну... наша работа важна, сэр.

Том печально улыбнулся:

— Да, верно.

На двери был установлен электронный кодовый замок. Том набрал последовательность из десятка цифр. Раздался щелчок, Дарнелл распахнул дверь, и я следом за ним шагнула через порог. В пустой комнате, где расположились трое, царил полумрак. Я не сразу разглядела всю обстановку. Но моментально поняла, кто находится передо мной. Алхимики. Только они могли ждать меня в бункере. И они имели красноречивые признаки, по которым я опознала бы алхимиков даже на самой людной улице. неброская деловая одежда. На щеке каждого — вытатуированная золотая лилия. Униформа, общая для нас всех. Мы — тайная армия, скрывающаяся в тени сородичей.

Все трое держали в руках папки-планшеты и смотрели на стену. Только тут я догадалась о предназначении помещения. В стене проделали окно, вы-

ходящее в соседнюю, более ярко освещенную комнату.

А там как раз и находился Кит Дарнелл.

Он метнулся к разделяющему нас стеклу, заколотив по нему кулаками. У меня сильно забилося сердце, я в испуге отступила на несколько шагов — в уверенности, что Кит кинется на меня. Через несколько мгновений я осознала, что он меня не видит. Я немного расслабилась. Самую малость. Ведь это — не окно, а зеркало одностороннего видения. Кит прижался к стеклу, отчаянно вглядываясь в нас, — он явно знал, что по другую сторону кто-то есть.

— Пожалуйста! — закричал он. — Прошу вас! Выпустите меня! Выпустите меня отсюда!

За время, миновавшее с нашей последней встречи, он похудел и стал выглядеть еще более неопрятно. Нечесанные волосы, похоже, месяц не знали стрижки. На парне был простой серый комбинезон наподобие тех, которые носят заключенные в тюрьме или пациенты психиатрических клиник. Цвет напомнил мне бетон в коридоре бункера. Но приметнее всего оказалось отчаянное и полное ужаса выражение глаз — или, точнее, глаза. Второй глаз Кит потерял во время нападения вампиров, которое я втайне помогла организовать. Никто из алхимиков об этом не знал, так же как и о том факте, что Кит изнасиловал мою старшую сестру Карли. Вряд ли Том Дарнелл стал бы хвалить меня за «преданность работе», узнай он о моей мести, проделанной чужими руками. Увидев, в каком состоянии пребывает парень, я даже немного пожалела его. Но в гораздо большей степени я сочувствовала Тому, на лице которого отразилась огромная боль. Впрочем, я все равно не испытывала ни малейших угрызений

совести. Ни за арест, ни за глаз. Кит Дарнелл — плохой человек, и точка.

— Ты, несомненно, узнала Кита, — произнесла женщина-алхимик с седыми волосами, собранными в аккуратный пучок.

— Да, мэм, — подтвердила я.

От прочих расспросов меня спас Кит. Он снова яростно принялся биться о стекло.

— Пожалуйста! Я серьезно! Я сделаю все, что захотите! Я все скажу! Я во все буду верить! Только, прошу, не отправляйте меня обратно!

Нас с Томом передернуло, но остальные наблюдали за происходящим совершенно бесстрастно и лишь делали какие-то пометки у себя на планшетах. Женщина с пучком снова перевела на меня взгляд и продолжила, словно никто ее и не перебивал:

— Мистер Дарнелл-младший провел некоторое время в нашем центре переобучения. Мера, достойная сожаления, но необходимая. Торговля запрещенными товарами — само по себе достаточно скверно, но сотрудничество с вампирами — непростительно. Хоть юноша и утверждает, что не испытывает к ним привязанности, мы не можем быть уверены в его словах. Даже если он говорит правду, не исключено, что его правонарушение может усугубиться — перетечь в сотрудничество даже не с мороями, а со стригоями. Мы не позволим мистеру Дарнеллу-младшему встать на скользкий путь.

— Мы делаем все для его же блага, — произнес третий алхимик. — Мы оказываем ему услугу.

Меня захлестнул ужас. Главная задача алхимиков — хранить в тайне существование вампи-

ров. Мы считаем вампиров противоестественными созданиями, с которыми не следует иметь никаких дел. Особенную проблему представляют стригои, вампиры-убийцы, заманивающие людей в рабство за обещание бессмертия. Но даже к миролюбивым мороям и полукровкам-дампирам мы относимся с подозрением. С последними двумя группами мы много сотрудничали, и хотя нас учили относиться к ним с презрением, некоторые алхимики не только сблизилась с мороями и дампирами — они, по сути, начали им симпатизировать.

Только здесь дело обстояло иным образом. Кит, невзирая на его правонарушение (торговлю кровью вампира), был последним в моем списке тех, кто мог подружиться с «иными». Он неоднократно при мне демонстрировал отвращение к вампирам. Кстати, если кто и заслуживал обвинения в подобном сближении...

...то это я.

Еще один алхимик, мужчина с зеркальными солнечными очками, небрежно засунутыми дужкой за воротник, принялся нудно вещать:

— Вы, мисс Сейдж, — замечательный пример сотрудника, способного активно работать с ними, сохраняя объективность. Ваша преданность не осталась незамеченной.

— Благодарю, сэр, — смущенно отозвалась я. Интересно, сколько еще раз я сегодня услышу про собственную «преданность»? Да, теперь все идет совсем не так, как несколько месяцев назад. Тогда я увязла в крупных неприятностях из-за помощи одной беглой дампирише. Позднее оказалось, что та ни в чем не виновна, и мое участие в деле списали на «честолюбивые карьерные устремления».